

Мои истории

21

Кирилл Лавров — человек замечательный во всех отношениях. Плюс талантливый, плюс знаменитый. С подобными людьми обычно приятно беседовать, вспоминая подноготную и задавая всякие каверзные вопросы. Мы же подумали: к чему это? Надо дать человеку возможность выговориться, а уж что и как рассказать — пусть решает сам Кирилл Юрьевич. К слову будет упомянуто, он на это мастер.

Как я готовился бить фашистов

— Из блокадного Ленинграда нас с мамой эвакуировали в Новосибирск. В 43-м году мне наконец стукнуло 17 и я отправился в ближайший военкомат с требованием отправки на фронт. Меня и послали... Сначала по матушке. И только потом в Астраханское авиационно-техническое училище, которое по случаю войны размещалось в Усть-Каменогорске... Пока мы туда ехали, училище эвакуировали в Астрахань. Основная масса призывников отправилась вслед, а несколько молодых начальство решило оставить. Иначе некому было бы собирать урожай в подсобном хозяйстве. Лето только началось, урожай еще не созрел, и делать защитникам Отечества было абсолютно нечего. Тоска, да к тому же голодная. А с нами остался еще музвзвод. Те жили роскошно: до полудня лежали ноги вверх, потому как по вечерам работы имели хоть отбавляй: это был единственный на весь город духовой оркестр. Городской сад, танцплощадка — вот места их «обороны». Хоть и война, а танцы устраивали до упаду. Был и еще один верный приборчик: покойников в этом городе без музыкального сопровождения не хоронили. Вот так оркестр развлекался, а я сидел, горевал, едва с ума не сходил от скуки. Притом что родители мои были артистами, а имя отца даже гремело в Киеве, в русском театре Леси Украинки, лично я музыкальных дарований был лишен. Но ребята сжалились надо мной. Сережа Тараканов, ударник в оркестре, вручил мне большой барабан и как смог доходчиво объяснил, что бить в него ума особого не требуется. Попадай себе в ритм и живи припеваючи... Себе он оставил тарелки. Видимо, с барабаном намаялся... Я попробовал, вышло недурно. Жизнь началась совершенно иная. И вот однажды мама моя Ольга Ивановна решила навестить своего героического сына. Я писал ей, что дни и ночи мы осваиваем боевую технику. Готовимся: скоро на фронт! И она собралась. В Усть-Каменогорск! Приехала. А мы в это время как раз хоронили...

Идем по улице, народ, как всегда, останавливается, глазет, кто-то утирает слезу. Мы тоже, конечно, скорбим что есть мочи. Я бую в свой огромный барабан. И неожиданно — вижу! Среди зевак на бульваре замерла моя мама. Тут и случилась какая-то нелепая реакция: мама начала немилосливо хохотать. Неудобно: это похороны, а не свадьба, и она, вижу, давится, бедняжка, пытается руками закрыть лицо, но ничего путного не выходит, мама просто заходится в диком смехе. Тут со мной тоже что-то произошло, и я подержал свою маму. Разумеется, бил в барабан уже невольно — как иначе, когда су-дороги!

Кирилл Лавров СМЕШИВ ДО УПАДУ!

Глядя на нас и остальных музыкантов начали хихикать. Оркестр смеялся, траурный марш стал похож черт знает на что...

Как Товстоногов не «съел» собаку

— Товстоногов был человеком с большим чувством юмора. Услышит новый анекдот — и сразу к нам за кулисы. Всем рассказывает и сам же смеется-заливается. Но все это лишь в свободные от работы минуты. В отношении к делу — никакого юмора быть не могло. Бездна требовательности, максимум серьезности. Фанатик театра. Знал два иностранных языка — французский и немецкий. Обладал огромной интуицией. Одно время у нас было поветрие: творческие люди ездили в глубинку — знакомиться с жизнью. Особо настойчиво направлялись писатели и режиссеры. Товстоногов такие походы в «люди» игнорировал. Он, помоему, за всю свою жизнь дальше Комарово никуда не ездил. И вот Георгий Александрович поставил новый спектакль «Три мешка соевой пшеницы». Тендряковская повесть. Действие

происходит в глухой вологодской деревне, в голодные послевоенные годы. Поразительно, но убежденный горожанин Товстоногов представил вроде бы неведомую ему деревенскую жизнь правдиво до мельчайших подробностей. Характеры крестьян, ситуации, язык. Федор Абрамов, побывав на спектакле, искренне изумлен. Однако от замечания не удержался: «У вас на сцене пролаiali две собаки. А их в деревне в ту пору быть не могло — всех давно съели!»

Как Копелян за Лавровым следил

— Бациллы смеха — это оговорки. Серьезная сцена в «Океане». Я играю капитана 3-го ранга Платонова. Сцена: я должен сидеть и молчать. А потом уходить оскорбленной женщиной — навсегда. Актриса должна меня догнать и сказать: «Саша, я вас никуда не пушу! На дворе пурга, снежные заряды...» И вдруг она хватается за плечо и на весь зал верещит: «Саша, я вас никуда не пушу! На дворе — пурген!» Оговорился человек, с кем не бывает. Мне бы не заметить. Но я не могу играть от распирающего меня хохота. Да и Копелян тут как тут — сразу поддерживает. Мы крепко дружили и, разумеется, часто друг над другом подтрунивали. Как-то раз комендантша повесила над нашим умывальником табличку: «Товарищи! Уходя из гримборной, следите, чтобы краны были закрыты». Ефим ушел на сцену, а я

приписал: «Товарищ Копелян...» И так далее по тексту. Он вернулся, пошел на сцену я. А когда пришел обратно, увидел: «Товарищ Копелян! Следите, чтобы краны у товарища Лаврова были закрыты!» Жизнь была счастливая и беззаботная. Когда молод, всегда так. Фима был старше меня на 15 лет. У него прихватило сердце, а лечить начали от живота. Был инфаркт. Потом все выяснилось, еще посмеялись... Копелян

отправили на реабилитацию в правительственный санаторий. Там снова схватило сердце. А врача-то и нет. Как всегда в подобных правительственных заведениях, собственно медицина на последнем месте. Там важно, чтобы коврики пушились повсюду, цветочки пламенели, стерильная чистота была. И чтобы такой же идеал в анкетах лечащих докторов. Родственников за границей вроде бы нет, и ладненько... А то, что опыта — нуль, ничего! Дело наживное. Пока приехали настоящие врачи, Фимы не стало. Время Копеляна остановилось на 62 годах. Это время расцвета артиста, но никак не его смерти. Ну разве вся эта идиотская ситуация не удручающий анекдот нашего времени?

Как удивить полисмена

— Гастроли за границей — особая серия анекдотов. Как-то в Германии остановились мы в небольшом отеле «Принц Альберт». Портье — роскошный человек. И вот один наш артист, Виталий, набродившись по городу, решил вздремнуть перед спектаклем. Лег и крепко уснул. Проснулся лишь за 15 минут до начала представления. Вскочил, оделся и — к двери. А она, оказалось, заперта снаружи на ключ: сосед — по рассеянности — уходя, замкнул номер. Виталий начал метаться, хвататься за телефон. А языка-то не знает. Ему портье в ответ: «Я-а?» Тот ни бельмеса. К окну подбежал, распахнул и кричать: «Товарищи, господа, помогите!» Вдруг кто найдется, поймет? Но его упорно не понимали. Пришлось думать. Проявлять находчивость. У него номер был 123. Эти цифры он с большого испуга припомнил. И еще, как выяснилось, одно словцо. Набрал он номер

портье и кричит: «Айн, цвай, драй — СОС!» Не успел положить трубку, как прилетел портье с огнетушителем: «Что горит?» Конечно, знание языков многим бы нашим артистам не повредило. На гастрольях в Лондоне заблудилась в городе молодая актриса. Наконец видит, стоит здорового роста мужик в каске, надзирает за всеми. Полисмен! Обрадовалась девица, подошла к нему, встала на цыпочки и говорит: «Ду ю спик инглиш?» Можно представить себе изумление породистого английского «бобби», вытаращившего глаза, но тем не менее вежливо ответившего: «Иес, мэ!» А она больше и не знает ничего...

Как укрощался огонь Королева

— Меня пригласили на главную роль в кинофильме «Укрощение огня». Первоначально, по сценарию, там Королев и именовался Королевым. Это было логично: картина-то автобиографическая. Но поскольку Сергей Павлович довольно долго просидел на Колыме, где проявил себя, по отзыву начальника зоны, «исключительно трудолюбивым и добросовестным эком», в сценарий нужно было включать и эти не самые радостные страницы его судьбы. Что тут подныло! Разумеется, моему герою не позволили испортить биографию. А Королева пришлось назвать Башкирцевым. Вроде как собирательный образ гения космонавтики... Входя в этот образ, я узнавал любопытнейшие подробности. Каким он был независимым, как правду-матку резал в глаза любому начальству. Как умел ценить людей. Всего один эпизод. Однажды старый трауляга, который работал с Королевым много лет монтажником, оставил в космическом корабле отвертку. А уже задраены люки. Ракета на старте. Рабочий не может найти свой инструмент. Делать нечего — идет, нет, бежит к Королеву: «Казни меня, Сергей Павлович, но я не могу найти свою отвертку. Возможно, оставил внутри корабля». Пуск отменили. Открыли люк и нашли инструмент. Рабочий на глазах постарел в ожидании наказания. Наконец появился приказ Главного конструктора: монтажнику объявлялась благодарность и выдавалась немалая денежная премия — за честность в работе. Эту историю мне рассказали на Байконуре. Я потом долго пытался разобраться в себе: а как бы я поступил на месте Королева?

До самой смерти он своей матери писал стихи... Был романтиком. Когда запускали первый искусственный спутник Земли, откуда-то из гарнизона лично привез солдата-горниста. Ракета на старте. Уже брызжет рассвет. Солдат будит зарю. Все вокруг бегают, суетятся, пьют валидол, а Королев занят символикой. Его горнист открывал новую эру человечества — космическую. Суеверный был человек. Дома, над любимой скамейкой, до сих пор висит подкова... Женщин на старте не терпел — гнал безжалостно в шею... всю жизнь носил в правом кармане пиджака две монетки. На счастье. Перебирал их в пиковые моменты. А когда в последний раз уходил в больницу, рассчитывая, что идет туда на два дня — субботу и воскресенье, а в понедельник уже на работу, — монетки эти почему-то не нашел. Все перерыл в шкафу — мне его жена об этом рассказывала, от которой он даже скрыл свой поход на операцию, — карманы всех пиджаков вывернул... Тщетно. Элементарную операцию делал едва ли не министр здравоохранения. И — лажанулся. Кровотечение не сумели остановить...

Михаил
СЕРДЮКОВ.
Фото автора.

